

С учетом существующих подходов к концептуальному осмыслению понятия «травелог», мы предлагаем следующее наиболее общее его определение: *Травелог – это форма креативно-практической деятельности субъекта (акторов), направленная на выполнение определенной миссии, которая связана с преодолением в ходе её реализации естественных (природных, географических, этно-культурных) и «искусственных» (лингвистических, коммуникативных, экономических, политических, технологических и др.) трудностей, и ставящая своей конечной целью получение новых данных, знаний, впечатлений о действительности, которые репрезентируются в разнообразных формах (текстовых, визуальных, медийных), представляющих интерес для общественности.*

Проведенный нами обзор работ, в которых авторы стремятся теоретически осмыслить понятие «травелог» или родственных ему по смыслу терминов («путешествие», «туризм», «путевое письмо» и др.), свидетельствует о том, что тема травелога еще далека от её многостороннего и глубокого теоретико-методологического исследования.

1.2. Концептуальная структура травелога: диахронный аспект

Травелог как форма творческого освоения мира человеком проделал большую эволюцию вместе с человеком и его историческим развитием: менялись способы социально-исторической жизнедеятельности человека и человечества, происходила смена способов предметно-практического и духовно-практического освоения (осмысления) мира человеком. Первоначальная, древняя форма освоения мира в мифопоэтических и мифологических практиках подвергалась расслоению: выделялись искусство, религия, философия, наука, мораль, литература. Но центральная смысловая идея обязательного прохождения некоего Пути, в процессе которого человека, совершающего его, поджидает множество трудностей и испытаний – остается в ядре всех продуктов человеческой культуры. Это показывает нам многообразие видов и жанров травелога. Взглянуть на саму жизнь человека (а в мифах и религиях народов мира – и на смерть) как на путь, представить ее как Великое путешествие, исполненное многих опасностей – вот смысложизненное значение травелога.

Фундаментальная процессуальность человеческого бытия, являющегося частью вселенского, рождает необходимость отправляться в путь, а поскольку многое в нем остается неведомым и потому опасным, то путник неизбежно претерпевает множество приключений (которые он, может быть, переживает не все). Обо всем этом человечество с самого своего рождения рассказывает само себе, пытаясь извлекать опыт и смысл, для того, чтобы, в конечном итоге, познавать себя.

Травелог сопровождает разнообразные формы жизнедеятельности человека, подчеркивая в них моменты движения, странствования. Как всевозможные перемещения в пространстве и времени (реальные или вымышленные) составляют необходимую, сущностную сторону человеческого бытия (именно бытия, а не существования), так и проговаривание человечеством самому себе того, что претерпевает оно на этих путях – становится всеобщей универсальной характеристикой человеческого способа жизнедеятельности. О том, что непрерывное движение является универсальным и фундаментальным свойством человеческого бытия, специально говорилось в Докладе Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа «Государство и Антропоток»⁸⁶. Мы же, со своей стороны, можем добавить, что понятие «антропоток» включает также и всемирное растекание человечества «по лику земли», и непрерывный процесс изменения, которое происходит в результате постоянных (одиночных или коллективных) странствий и путешествий в поисках сущностей и смыслов, в поисках «земли обетованной», в поисках стран и приключений.

Травелог – это, с одной стороны, – определенная разновидность социокультурной практики, а, с другой – форма повествования, рассказ о связанных с данной практикой переживаниях, впечатлениях и изысканиях.

Травелог как повествование о странствиях, приключениях, путешествиях, экспедициях, происходящих в реальных или вымышленных пространственно-временных координатах, является *разновидностью коммуникативно-творческой деятельности человека (или группы людей), поскольку он*

⁸⁶ Государство и Антропоток. Доклад Центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. М.: ПФО, 2002. URL: <https://oko-planet.su/politik/society/201392-gosudarstvo-antropotok.html>. Дата публикации: 23.07.2013.

производит и предоставляет вниманию публики новую информацию об окружающем мире и о самом человеке.

В течение столетий было накоплено множество произведений в жанре травелога, объединенных общим понятием «литература путешествий» (The Literature of Travel⁸⁷). Самые ранние литературные формы травелогов представлены многообразными вариантами древних мифов, эпических повествований о приключениях и подвигах героев, пережитых и свершенных в процессе путешествий и странствий. Действительно, мифотворчество практически всех народов мира содержит сказания о странствиях и подвигах героев.

Рассматриваемый в *диахронном плане*, травелог как форма коммуникативно-творческого освоения мира, претерпел определенные метаморфозы в своем структурном развитии, проделав путь от древних мифопоэтических образов до рационально-теоретических видов деятельности и научных способов репрезентации своих открытий и изысканий (отчеты экспедиций, путеводители, лоции, карты и схемы, методологические и методические исследования и рекомендации).

Диахронный аспект позволяет посмотреть на концептосферу травелога с точки зрения историко-культурного наращивания её «слоистой» структуры: над наиболее древними мифопоэтическими и мифологическими слоями исторически наслаиваются все более рационализированные формы восприятия и осмысления действительности вплоть до появления их рационально-теоретических конструкций. Наслаивание всё более рационализированных структурных образований в дискурсе травелога совершается от эпохи к эпохе. Это связано с развитием самого процесса идентификации и позиционирования акторов травелога, которое обусловлено следующими фазами когнитивно-исторического формирования дискурса травелога: 1) выделение индивидуального самосознания из безлично-синкретических мифологических форм творчества; 2) возникновение процедуры понятийно-образного конструирования мира по мере отхода от ми-

⁸⁷ Объем только англо-американской «литературы путешествий» за 200 лет весьма впечатляет: The Literature of Travel, 1700–1900 // The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two. URL: <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

фопоэтического синкретизма; 3) переход к рационально-теоретическим формам освоения внешнего и внутреннего мира.

Данный процесс получает своё литературное выражение в разворачивании жанровой структуры травелога: от мифологических, фантастических историй о странствиях богов и героев в устных легендах и преданиях (Книга Еноха, Исладские саги, Манас, Калевала, Рамайна и Махабхарата, Песнь о Нибелунгах и т. п.) – до первых попыток авторских фиксаций перипетий реальных путешествий, нашествий, завоеваний, опасных передвижений героев, часто встречающихся гибель на своём пути. Параллельно этому идет процесс формирования и манифестации психологических переживаний и страданий субъекта, рассказывающего о своей судьбе. В итоге происходит историко-культурное и духовное самоосмысление индивидуального жизненного пути актора совершаемого путешествия во внешний и внутренний миры, что находит своё воплощение в появлении и развитии новых жанров травелога – от древнеегипетского памятника письменности «Разговор разочарованного со своим Ба (душой)» к «Исповеди» (Августин, Абельяр, Руссо, Толстой) и далее – к романам «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (И. Гёте), «Путешествия на край ночи» Ф. Селина, к пьесе «Годы странствий» А. Арбузова и др.

Подход к травелогам как к многослойной сложноорганизованной концептосфере закономерно ставит вопрос о необходимости специального рассмотрения таких методологических инструментов его анализа как «архетип», «концепт», «символ», «смысл». В отечественной литературе вопрос о соотношении и корреляции данных понятий получил свое развитие в работах В.З. Демьянкова⁸⁸, В.В. Колесова⁸⁹, И.Т. Касавина⁹⁰ и др.

⁸⁸ Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35–47.

⁸⁹ Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с.

⁹⁰ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка / И.Т. Касавин. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008. 554 с.

Специфика таких литературных форм творчества как мифы, сказания, народный эпос и др. давно заставила обратить пристальное внимание исследователей на понятие «архетип», предложенное в свое время К.Г. Юнгом⁹¹. Российские авторы – С.С. Аверинцев⁹², Ю.М. Лотман⁹³, М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский⁹⁴ и др. – указали на ряд эвристических свойств данного понятия, охарактеризовали соотношение категорий «архетип», «символ», «концепт» в системе культуры. Отдельного рассмотрения заслуживает понятие «архетипический концепт», которое в последнее время получает довольно частое научное употребление.

В современной литературе дается следующее определение архетипическому концепту: «...это ментальная система обработки, хранения и репрезентации культурных первообразов, составляющих коллективное бессознательное, представляющая собой системно организованное, саморазвивающееся смысловое пространство, формируемое архетипическими смыслами и реализуемое языковыми средствами»⁹⁵. В свою очередь, «архетипический смысл понимается как мифообразующий структурный элемент смыслового пространства архетипического концепта, имеющий обобщенный чувственно-образный характер, дифференцируемый по степени сложности, абстракции, динамизма, получающий языковую объективацию в текстах народного и индивидуального творчества»⁹⁶.

⁹¹ Юнг К.Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. М.: Канон, 1991. 334 с.

⁹² Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К. – Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. Сборник статей. Выпуск 3 / составитель В.И. Тасалов; ответственный редактор Б.В. Сазонов. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.

⁹³ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. – Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с. С. 240–249.

⁹⁴ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры». 1997. 224 с.

⁹⁵ Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 8.

⁹⁶ Там же. С. 8–9.

Структурно архетипический концепт, в сущности, родственен архетипу. «А. (архетипы) – писал С.С. Аверинцев, – это не сами образы, а схемы образов, их психологические предпосылки, их возможность. Словами Юнга, А. имеют не содержательную, но исключительно формальную характеристику, да и ту лишь в весьма ограниченном виде. Содержательную характеристику первообраз получает лишь тогда, когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта. Его форму Юнг сравнивает с системой осей какого-нибудь кристалла, которая до известной степени преформирует образование кристалла в маточном растворе, сама не обладая вещественным бытием. Процесс мифотворчества поэтому есть не что иное как трансформация А. в образы, «невольные высказывания о бессознательных душевных событиях» на языке объектов внешнего мира»⁹⁷. Таким образом, в продуктах сознательного духовного творчества имеет смысл говорить об архетипическом содержании, архетипических смыслах и предпосылках, но не о собственно архетипах как таковых. Введение в оборот такого нового исследовательского инструментария неизбежно ставило проблему междисциплинарного подхода.

В лингвокультурологических исследованиях, реализующих тенденцию к междисциплинарному синтезу рассмотрения явлений культуры, в последние годы утвердился термин «концепт», который стал системообразующим ядром для возникновения понятий «концептосфера»⁹⁸ и «политическая концептосфера»⁹⁹.

Одним из первых в отечественной литературе, кто обратил внимание на специфическую структуру и функции концепта (в отличие от понятия и категории) в познании, был С.А. Аскольдов. По его определению, концепт «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли определенное множество предметов одного и того же

⁹⁷ Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: в 2-х томах. Том первый. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1980. С. 110.

⁹⁸ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.

⁹⁹ Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Праксис, 2005. 368 с.

ряда»¹⁰⁰. Ю.М. Лотман, ставя аналогичную задачу выявить «универсалии культуры», без чего невозможно говорить о ее типологическом изучении, обращает внимание на процессы перехода ментальных сущностей из довербального состояния – в сферу словесного творчества, где особое место занимает явление, получившее название «метаязык культуры» и который пользуется особенной формой постижения действительности – *концептами*. Так складывалось представление о концепте-архетипе¹⁰¹ и даже стали выстраиваться типологии их¹⁰². Большое внимание, неизбежно, уделяется структуре концепта. Исследователи предлагают типологии концептов как ментальных образований. По признаку стандартизованности различают индивидуальные, групповые и общенациональные концепты, по содержанию – представления, схемы (картинки), понятия, прототипы, фреймы, сценарии, гештальты и др.¹⁰³.

В.И. Карасик предлагает интегративный подход к пониманию концепта. Для него концепт – это трехмерное образование, которое включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие¹⁰⁴. В итоге развития многомерного подхода к пониманию концепта возникла целая теория концептосферы¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997. С. 2.

¹⁰¹ Богданова И.А. Функционирование архетипического концепта «вода» в текстах народного и индивидуального творчества: специальность 10.02.19 «Теория языка»: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006.

¹⁰² Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. го ун-та, 1996 104 с.

¹⁰³ Карасик В.И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 95–108; Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

¹⁰⁴ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. С. 106–107.

¹⁰⁵ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Институт народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской

Рассматривая дискурс травелога и составляющие его концепты, мы полагаем возможным говорить о «концептосфере травелога», внутренние структурные связи которой образуют его дискурс, обладающий целым рядом важных свойств (аксиологических, институциональных, кратологических и др.), определяющих его роль и значение в культуре.

Исследователи отмечают сложность концептуальной структуры, которая находит выражение в различных единицах языка и речи, суммируя (соединяя) множество ассоциативных рядов, интенсивность которых затухает по мере удаления от основного смыслового ядра. «Концепт, – согласно В.И. Карасику и Г.Г. Слышкину, – группируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы... Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро концепта, менее значимые – периферию. Четких границ концепт не имеет»¹⁰⁶.

Концепты обладают изменчивой природой, поскольку содержащаяся в них интенсивность оценочного момента может меняться. Меняются также образные составляющие концепта, а также его фактуальные (понятийные) компоненты. «Концепты, – отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, – внутренне организованы по полювому принципу и включают чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. Структура концепта образована когнитивными классификаторами и объединяемыми ими когнитивными признаками, которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку»¹⁰⁷. В структуре концепта можно выделить три основных компонента – образ, информационно-понятийное содержание (ядро / базовый слой) и интерпретационное поле (дополнительные признаки).

культуры», 1997; Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как системное образование // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 29–34 и др.

¹⁰⁶ Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с. С. 12.

¹⁰⁷ Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с. С. 8.

Образ – это целостное, но неполное представление некоторого объекта или класса объектов о действительности в каком-либо аспекте. Образ не является отдельным впечатлением, однако он достаточно систематизирован, чтобы говорить о целостности восприятия. Помимо субъективности, для образа характерна также возможность его интерпретации в зависимости от социокультурного контекста современности¹⁰⁸.

Информационно-понятийное содержание (ядро) концепта включает набор когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого явления или предмета¹⁰⁹. Интерпретационное поле концепта содержит такие дополнительные компоненты как оценки, стереотипы, символические смыслы, идеологемы, абстрактно-логические представления.

По признаку уровня общности различают индивидуальные, групповые и общенациональные концепты, по содержанию – представления, схемы (картинки), понятия, прототипы, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты и др. *Представление* – это мыслительная картинка как обобщенный чувственный образ предметов или явлений. *Схема* – это мыслительный образец предмета или явления, имеющий пространственно-контурный характер (геометрический аспект представления, общие контуры чего-либо). *Понятие* – это категориальный, дающий представление о типичном члене концепта, содержащий наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики. *Прототип* – это образ типичного представителя класса, фактически, – образное ядро концепта. *Фрейм* – объемный многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. *Сценарии* или *скрипты* – динамически представленные фреймы, разворачиваемая во времени последовательность этапов, эпизодов, элементов. *Гештальт* – целостный образ, который совмещает в себе чувственные и ра-

¹⁰⁸ Концепт и архетип Сатаны: современное состояние // НЕ-Учение Тьмы. Сатанизм, XXI век. Т. 2. Древний Город: Издание «Общества Сознания Смерти», 2011. 416 с. С. 82–123. URL: <http://warrax.net/76/archetype.html>

¹⁰⁹ Даниленко Н.Б. Структурные особенности концепта // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 37–40.

циональные компоненты в их единстве и целостности, как результат целостного, нерасчлененного восприятия ситуации, высший уровень абстракции: недискретное, неструктурированное знание. Сам же концепт «мыслится как родовой термин по отношению ко всем остальным, выступающим в качестве его видовых уточнений»¹¹⁰.

Большое методологическое значение имеет идея о тесной взаимосвязи дискурса и концепта. Поскольку дискурс пронизывает и организует коммуникацию, протекающую через посредство разнообразных «единиц» языка и речи, то при ближайшем рассмотрении он представляет собою относительно целостную систему концептов, группирующихся вокруг определенного, относительно устойчивого смыслового ядра. Эта система задает различные части семиотического пространства культуры, находящие разнообразное выражение во множестве связанных текстов.

Концепты «конденсируют» коллективное сознание в некоторое количество дискретных единиц. Различные «наборы» концептов формируются посредством дискурсов. Концепты хранятся в глубинах национального самосознания и национальной памяти. Облеченные в дискурсные формулы, они объективируются в корпусах текстов, хранящих и транслирующих национальную культуру. Концепты многообразны по формам репрезентации, поскольку могут быть представлены прецедентными текстами, этикетными формулами, речеповеденческими тактиками, отражающими паттерны социальной практики.

Система важнейших концептов, представляющих концептосферу национальной культуры, обладает архетипическими свойствами. Это означает, что в ней присутствуют слои «неизреченного», интуитивно постигаемого, поскольку в архетипических образованиях реализуется мощный элемент коллективного бессознательного («непроговоренные» слои национальной культуры). Эти элементы обуславливают «непереводимость» (несоизмеримость) разных культур, невыразимость одной культуры в концептах другой из-за расхождений («зазора», «разрыва») ценностей и смыслов, питавшихся исходно различным культурно-историческим опытом. Эти же слои «ответственны» за предрассудки и стереотипы, в которых объективируются распространенные схематизмы

¹¹⁰ Карасик В.И. Там же. С. 132–133.

антропологических практик. Они хорошо видны при сравнении концептосферы национального самосознания различных культур и понятийно-категориального аппарата национального мышления: в последнем рациональные компоненты доминируют, определяя доступную соизмеримость, взаимопереводимость значений и смыслов.

Переходя к рассмотрению концептосферы травелога, необходимо отметить, что она претерпела значительные трансформации, связанные с определенными этапами исторического развития культуры и происшедшими изменениями в способах освоения действительности.

Исходными структурными элементами, с которых начиналось формирование концептосферы травелога, выступают *архетипические концепты*. По В.И. Карасику, термином «архетипический концепт» обозначаются «активно транслируемые, закрытые для модификации, неперебиваемые в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концепты, т.е. архетипические ментальные образования особого типа/класса, имеющие специфические характеристики, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться»¹¹¹. Согласно У.А. Савельевой, архетипический концепт обладает следующими конститутивными признаками: а) размытость оценочно-маркированного образа, не поддающегося рациональной рефлексии и базирующегося на дуальной категоризации мира, проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; б) ориентация на важнейшие витальные ценности бытия и вытекающая отсюда универсальность для человечества; в) бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок¹¹². Архетипическому концепту присущи такие параметры как доминирование ярко выраженной образно-чувственной компоненты и выражение базовых ценностных установок при реализации фундаментальных сценариев жизни.

¹¹¹ Карасик В.И. Архетипические концепты в общении // Прямая и не прямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39–52.

¹¹² Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 29 с. С. 4.

Образно-чувственная доминанта архетипических концептов мерцает, «дрожит», «вибрирует» в широких полях ассоциаций и отождествлений. При дальнейшем наращивании и наслаивании рациональных компонентов внутри концептосферы травелога, архетипические концепты не растворяются в новых формах освоения реальности, а продолжают своё воздействие на общественное сознание в виде предлагаемых архетипических образов, стереотипов и фреймов.

Каждый ключевой концепт травелога, относящийся к ядру его концептосферы, не просто многослоен, но еще и коррелирует с другими, родственными ему по смыслу концептами, указывающими на иные, дополнительные стороны и свойства травелога. В этой связи обратимся к таким «ядерным» концептам травелога как Путь и Путник. Их содержание раскрывается через множество близких по смыслу, но, в то же время, отличных по ряду параметров концептов. Концепт Путь может быть развернут посредством обращения к таким близким ему по смыслу образным понятиям как Дорога, Жизненный путь, Путь познания, Испытание, Приключение, Подвиг и т.п. Концепт «Путник» может быть ситуативно разложен на более конкретизированные концепты – Путешественник-первооткрыватель, Бродяга (Агасфер), Странник (Пилигрим), Гид (Проводник, Вождь и Полководец), Гость, Шпион (Соглядатай), Сталкер. Наконец, Путник – это в глобальном смысле – все мы, люди, бредущие по своему жизненному Пути. В итоге смысловой репертуар концептов «Путь» и «Путник» существенно расширяется, он обогащается всё новыми значениями, приобретает дополнительные образные выражения.

То же самое можно сказать относительно концепта «Приключение» как важного структурного компонента концептосферы травелога. В. Янкелевич описал жизнедеятельность человека как приключение (Adventure)¹¹³. Приключение (Подвиг) – это всегда выбор («Направо пойдешь..., налево пойдешь...»), герой мифологический в подвигах (Геракл, Тезей) проявляет изначально присущие ему свойства, герой литературного травелога (романа, документальной повести

¹¹³ См.: Малышев М.А. Феноменология приключения // Аффективные переживания и поиски смысла жизни. Екатеринбург: ИМС: УрГУ, 2006. С. 173–187.

и т. д.), как известно, именно через подвиги (которые суть непростой выбор) обретает героические черты.

Процесс наращивания рационально-теоретических компонентов в концептосфере травелога выражается в появлении весьма специфических продуктов его репрезентации, к которым можно отнести социальные и социально-политические «утопии»: изначально конструируется вымышленный мир, и путешествие по нему подается как приглашение к соразмыслению (Т. Мор «Книга столь же забавная, сколь и полезная... о наилучшем устройстве общества», Ф. Бэкон «Новая Атлантида», О. Хаксли «Этот прекрасный новый мир» и др.).

С появлением в Новое время эмпирических и теоретических методов научного познания рационально-теоретический подход к конструированию реальности достигает своего апогея. Происходит взрывообразное развертывание многообразных жанровых вариантов концепта Пути: это и путешествия по странам и континентам («Хождения за три моря» Афанасия Никитина, «Записки Марко Поло» и т. п.), это и «биографии» великих людей, показывающие сложный и противоречивый процесс формирования их величия, это и сказочно-фантастические приключения («Двадцать тысяч лье под водой», «Вокруг света за 80 дней», «Дети капитана Гранта» Жюль Верна, «Земля Санникова» Владимира Обручева и т. п.).

С развитием рационального конструирования возникают каноны строгого объективно-достоверного описания движения (Пути) научной мысли в процессе разыскания истины: планы и отчеты научных экспедиций – астрономических, географических (экспедиция капитана Г. Невельского с целью определения Сахалина – остров или полуостров), геологических и палеонтологических (экспедиции И. Ефремова в Эвенкии и пустыне Гоби), планы и отчеты о «ключевых» экспериментах (опыт Майкельсона-Морли и т. п.), вплоть до методологической и методической литературы, научающей правильному движению мысли в поисках истины.

Меняется представление о роли и значении *Подвига* в концепте Пути. Если ранее Подвиг был экстенсивным средством *демонстрации* удивительных свойств Героя, изначально ему присущих – силы, хитрости, отваги, верности и т. п. (подвиги «могучего» Геракла – демонстрация его невероятной силы, подвиги «хитроумного» Одиссея – демон-

страция его «природной» сметливости), то теперь именно Приключение рассматривается в качестве *интенсивного фактора* становления Героя и формирования его выдающихся качеств. Другими словами, именно благодаря переживаемым приключениям персонаж превращается в Героя.

Заметим сразу же, что идея Пути вытекает из так сказать «природы» героя – ведь он сын богов и людей, соединяет в себе чудесное могущество богов и смертность человека. Поэтому герой подвержен Судьбе (Року), он обречен умереть, несмотря на всю невероятность своих деяний (подвигов).

Эта исходная схема замечательного рождения (появления) героя – его подвигов – удивительной (героической) личности составляет каркас Пути. Изначально здесь пространство имеет чисто служебное значение: способ смены декораций для очередного деяния. Герой в этих деяниях предстает совершенно готовым, так сказать, в полноте своих чудесных свойств, а последующая смена подвигов лишь позволяет полностью продемонстрировать все эти свойства, или все возможные стороны свойства.

Мы узнаем об этих подвигах мифологических героев из *безличных* сказаний и легенд, у которых нет *автора* (Геракл не оставил нам своих мемуаров). Развертывание странствий героя происходит через череду сцен, смену описаний, а связующей «материей» их между собой выступает Рок или воля богов.

Лишь со временем, в процессе разрушения синкретичного единства мифа и разрыва его замкнутой цикличности происходит формирование пространственного образа Пути – Странствия. Поэтому в исходной мифологической схеме имплицитно содержались оба варианта Пути, реализованные в дальнейшем в культуре: Путь как *Странствие*, совершаемое в процессе пространственных перемещений («тридцатые царства») и Путь как *обретение* героем своих замечательных свойств, где главным фактором выступает время – время взросления, воспитания чувств, закаливания характера, обретения жизненного опыта. Это есть *странствия души* человека по различным царствам чувств, памяти, характеров, способностей и талантов и т.п. Но это – и *жизненный путь*, т.е. время выбора, испытаний и становления личности (мифологический герой, как известно, не меняется внутренне, он только может расти, как Илья Муромец «тридцать три года просидевший на печи»).

Интенсивность Подвига как фактора Пути связана с его принципиальной амбивалентностью: здесь герой попадает в ситуацию разрыва постепенности, здесь поливариантность предельно заостряется, потенциально развертываясь от угрозы настоящей гибели до пустякового переполоха, переживаемого в шутке, смехе. Здесь персонаж накапливает свойства Героя, производя свой выбор, выбирая свой Путь и, следовательно, формируя себя. Если мифологический Герой подвержен Року (Ахиллес подчиняется своему року, «роковому» влечению к военным подвигам, как Одиссей – своей роковой тяге к странствиям), то литературно-художественный герой становится Героем в результате *своего выбора* (серии выборов), причем, трагический герой сам делает свой последний выбор. Мифологический герой просто не может не быть Героем, а литературно-художественный – может и не быть Героем, превращаясь в заурядную личность (обывателя) в литературе критического реализма (например, чеховские герои, осознающие, что когда-то они сделали не тот выбор или не сделали необходимого выбора, что предопределило последующую жизненную катастрофу). Подвиги и деяния, расширяясь в пространственно-временном отношении, превращаются из единовременного акта в протяженное действие, растягивающееся на всю человеческую жизнь. Это усложняет решение проблемы выбора героем, он вовлекается в огромное число текущих повседневных событий, часто делающих невозможным или крайне трудным делом целостный охват их совокупности для того, чтобы сделать правильный выбор. За это часто приходится расплачиваться герою самой тяжелой платой – дегероизацией. Путь, распавшийся на мириады мельчайших песчинок-ситуаций, путей-тропинок, поглощает героя, делая его персонажем и даже статистом (участником-песчинкой).

В травелог по мере роста популярности рационального знания начинают проникать строго научные понятия и категории (атом, молекула, химический элемент, система земных координат, и т. п.), общенаучные и специальные методы получения объективного и общезначимого описания, измерения и классификации объектов действительности. В то же время, отчеты о научных открытиях и изобретениях, решение фундаментальных проблем в исполнении авторов – выдающихся ученых и мастеров своего дела, – приобретают новые краски для живописания научного травелога как странствия человеческого ума в поисках новой информации о действи-

тельности и истины. Повествования и отчеты о научных открытиях в изложении великих ученых и путешественников выплескиваются на страницы научных, а затем и научно-популярных изданий, ими начинают зачитываться широкие слои населения.

Таким образом происходит эволюция концептосферы травелога: от мифологических первообразов-описаний странствий и путешествий мифологических героев, закреплённых традициями и обычаями, укоренённых в седой древности, до современных многообразных видов и жанров травелога научного характера (научный отчет, монография, научно-методические пособия и рекомендации).

В завершении отметим, что травелог, рассматриваемый в диахронном плане, при всех своих трансформациях, продолжает оставаться формой (способом) творческого освоения мира человеком, активной практикой предметно-преобразующей жизнедеятельности человека. Сейчас бурно развивается индустрия туризма, которая превратила травелог (путешествие) в коммерческое предложение. Маркетингизация травелога – процесс закономерный в обществе массового потребления. У него можно обнаружить как сильные, так и слабые стороны. Посредством туризма многие люди обретают новые знания и впечатления, знакомятся с иными культурами и традициями, получают ценный опыт межкультурного общения. Всё это мы относим к сильным сторонам туризма. Говоря об его слабых сторонах, следует отметить стандартность и стереотипность предлагаемых турагентствами маршрутов для путешествий. Турист, как правило, не выходит за рамки предложенного «меню», действует по «расписанию», по определенной схеме, продвигается от одной предписанной локации в направлении другой. Такая начертанная заданность движения не позволяет в полной мере заниматься творческим расширением горизонта путешествия, делать значимые для общества открытия, т. е. приводит к значительному сужению функций, которыми наделён дискурс травелога, рассматриваемый в широком смысле.

1.3. Концептуальная структура травелога: синхронический аспект

Если от диахронного анализа травелога, взятого в его развитии от мифологического образа к концепту (культу-